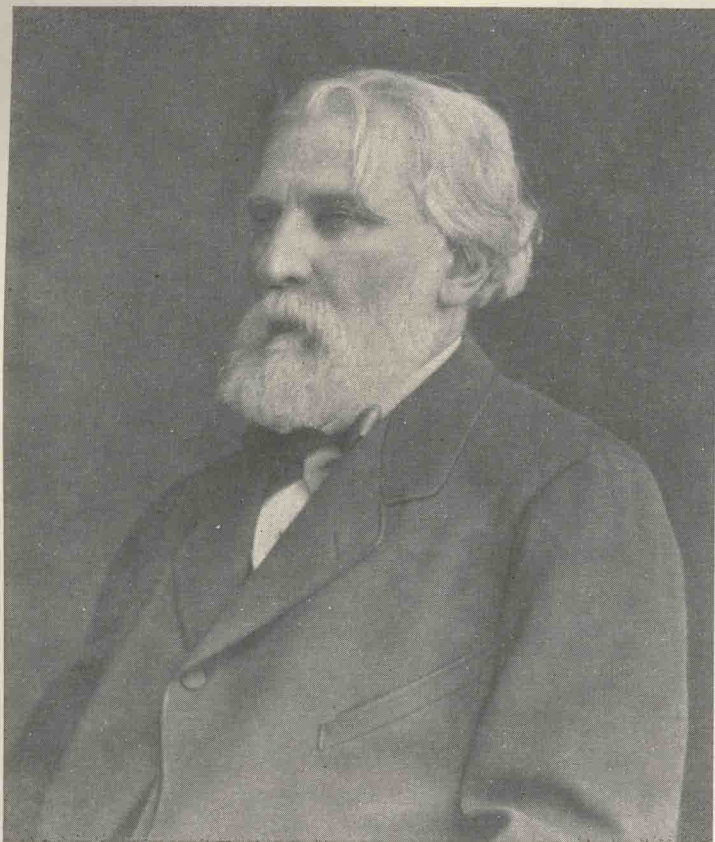

16te Mars 1874.
1874
Beadung Praebildung
Amorby
an nachst
of H. Tugend,

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ВОСЬМИ ТОМАХ

П И С Ь М А
В ТРИНАДЦАТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

1 9 6 5

И. С. ТУРГЕНЕВ

П И С Ь М А

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

1872-1874

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

1 9 6 5

2969. ПОЛИНЕ БРЮЭР

16 (28) октября 1872. Париж

Paris. 48, rue de Douai.
Lundi, 28 oct. 72.

Chère Paulinette, il ne faut pas que tu te tourmentes trop pour cette chasse; j'eusse préféré que Gaston n'eût pas dépassé le prix que j'avais marqué — mais il n'y a rien à faire maintenant.¹ Je ne pourrai pas y aller probablement une seule fois pendant l'hiver — mais de cette façon elle se refera en gibier — et j'espère que les eaux de Carlsbad aidant, je ne serai plus exposé à des attaques aussi violentes et aussi prolongées. Je pourrai donc me rattraper l'année prochaine.

Je ne puis fixer la somme qu'il faut donner au garde; je sais qu'il en faut un — bon et sûr, qui n'ait pas peur des braconniers — je prierais Gaston de prendre les arrangements nécessaires.

Ne te préoccupe pas des chiens; je trouverai ici ou plus tard à Bade ce qu'il me faut.

Il ne faut pas non plus songer à se rattraper sur le prix en tuant du gibier; il est plus raisonnable de laisser la chasse en friche pendant cette année.

J'attends le cahier des charges pour savoir quand et combien je devrai payer.

Il est évident que je serai enchanté de voir Gaston chez nous le 9 novembre;² si je ne l'ai pas invité, c'est que je ne supposais pas qu'il pût venir à Paris pour cette époque.

Je suis au lit — et j'y resterai encore longtemps. Je ne souffre presque plus — mais mon genou est *énorme* et je ne puis remuer la jambe. Il faudra du temps pour que cela dégonfle.

Je suis heureux d'apprendre que Jeannette va bien — et je vous embrasse tous les trois.

Iv. Tourguéneff.

2970. А. А. ФЕТУ

16 (28) октября 1872. Париж

Париж. 48, rue de Douai.

Понедельник, $\frac{28\text{-го}}{16}$ окт. 1872.

Вы желаете иметь обо мне известия, любезный Фет, спасибо Вам — но я ничего утешительного сообщить не могу. Вот скоро полгода, как я в когтях у подагры — и пишу Вам лежа в постели по милости нового припадка — *rechute* — по счету *одиннадцатого*. Вот в чем состоит эта прелесть: вдруг у тебя ни с того ни с сего страшно распухает колено или плюсна, появляются нестерпимые боли, шевельнуться нельзя, приходится пролежать в постели 5, 6 дней, неделю; потом ты начинаешь ползти с помощью костылей, брести на палках, понемногу ты начинаешь надеяться на выздоровление — бац! опять *rechute*, опять муки, опять недвижимое лежанье на постели — и *sic in infinitum*.

«Si cette histoire vous embête,
Nous allons la recommencer».¹

Вы понимаете, что при такого рода обстоятельствах мне не до того, чтобы рассуждать о значении демократии, о том, что людям слова дороже дел, и т. п. Эти остроумства хороши для здоровых счастливых, к которым, к великому моему удовольствию, принадлежите Вы; а мне хочется, по выражению Писания, обратиться лицом к стене и, насколько возможно, позабыть всё житейское.² Нет сомнения, что и я побежал по дорожке покойного Василия Петровича и должен готовиться к подобному же концу.³

Мои сто рублей к Вашим услугам — и, как только Вы мне дадите знать, я напишу Кишинскому.⁴

Кланяюсь Марии Петровне и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

2971. П. В. АННЕНКОВУ

17 (29) октября 1872. Париж

Париж. 48, rue de Douai.

Вторник, 29/17-го окт. 72.

Милый Павел Васильевич, я «опять на родине!»¹ — т. е. опять в постели вот уже 5-й день по милости *одиннадцатого* припадка подагры в колене, которое снова представляет подобие арбуза. Сперва я предавался отчаянию — а теперь это начинает становиться смешно, хотя продолжает быть горько.

«Горьким смехом моим посмеюсь».² Я не сомневаюсь более в том, что эта кувырколегия продолжится всю зиму — до моей поездке в Карлс- или Мариенбад. Лишь бы не превратиться в Василия Петровича!³

Вы, вероятно, уже получили теперь посланные Вам (сверх двух первых) две книжки «Отечественных» записок — но едва ли найдете в них больше духовной пищи. Не в Боборыкина же Вы станете углубляться!⁴ А что Буренин имеет несомненное сходство с клопом — это неопровержимо.⁵

Если Орлов с Левашовым что-нибудь здесь затевали — то это было во всяком случае очень *подспудно*. Орлов — добрый малый, но желал бы «что-нибудь сделать»; что касается до Левашова, то я вполне разделяю Ваше отвращение к этому гнусному арачьеенку, у которого нет ни сердца, ни мозга (я не видывал более крохотного черепа) — а только злобство и ненависть ко всему живому. Что за гнусно-светлые и недвижные глаза!⁶ Перечень российских лиц, пребывающих в Висбадене, не fait pas venir l'eau à la bouche; но неужели «la grande demoiselle» так опустилась! Теперь скрывать незачем (впрочем, Вы, вероятно, это подозревали и прежде) — что фигура Ирины в «Дыме» большей частью списана с нее⁷ ... Sic transit gloria mundi! Вот еще противное существо: кн. Вяземский! Старый лакей из заматерелых дворовых — брюзга и холоп до мозга костей. Как это он, однако, засиделся на свете!⁸

Бомбардирование Севастополя и Парижа ничто в сравнении с тем письменным бомбардированием, которому я подвергаюсь со стороны Ахенбаха, лишившегося ценсорского места в Киеве по милости М. Н. Лонгинова. Огромные цидулы, испещренные аккуратнейшим немецко-русским почерком, так и летят, затмевая воздух! Я обратился к Лонгинову — и узнал от него, что Ахенбах — сквернейший цензор, сверх того, *пьет* и даже был в полиции, т. е. взят в полицию!⁹ Это бросает новую — и, по-моему, не неблагоприятную тень на это несносное существо!

А денежный кризис — точно беда! Беда особенно еще в том, что никто нашего хлеба покупать не хочет — и мой управляющий пишет мне, что он свищет в кулак, сидя на многочисленных скирдах. К счастью, я запасаюсь монетами хотя в скромном, но достаточном количестве. Надеюсь, что и Вы не дойдете до беды.

Ничего не слышно насчет Каткова?

Здесь готовятся к упорнейшим — парламентским — битвам. Последние выборы окончательно показали республиканское настроение страны — но дело в том, что *вся* администрация без исключения в руках бонапартистов, легитимистов и клерикалов. Особенно сильна клерикальная партия — и *ни одной*, ни одной реформы до сих пор не проведено — и не будет проведено. См. шалонскую историю.¹⁰ Каша, каша и каша! А Вы все-таки приезжайте в Париж посмотреть на нас.

Я просил Стасюлевича, чтобы он, не дожидаясь выхода ноябрьской книжки, прислал мне несколько экземпляров моего

рассказа, который печатается в начале. Как только получу — один экз. немедленно полетит к Вам.

Засим кланяюсь всем Вашим и крепко жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

2972. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

17 (29) октября 1872. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Вторник, 29/17-го окт. 72.

Милый друг Яков Петрович, твое письмо¹ застало меня снова в постели; снова со мною произошел припадок подагры (по счету *одиннадцатый*) — и я снова превратился в недвижимую статую с опухшим коленом. Воля твоя — а я никак не могу признать подагру приятной болезнью — и радоваться ей. Но в сторону это.

Да, конечно, жизнь твоя желтенькая — и я часто размышляю о том, как бы тебе помочь? Помнится, я предлагал твоей сестре поселиться у меня в деревне;² тогда она отказалась — но, может быть, теперь согласится. И действительно: что ей от того, что она в Москве? Не находится ли она там в совершенном уединении? А у меня квартера, пища, отопление, освещение — всё было бы даровое. Теперь же мой управляющий женат, имеет семейство — всё это было бы легко. И железная дорога теперь идет почти вплоть до самой моей деревни. Одна помеха: воспитание ее дочери. Но разве она в Москве имеет учителей или ходит в пансион?³ Если нет — то не было бы разницы и в деревне. Подумай о моем предложении: всё бы одной заботой у тебя стало меньше.

«Собаки» твои, может быть, пролают отлично; одно тебе рекомендую: не впадай в полемику.⁴

Желал бы я тебе указать на что-нибудь из ряду вон выходящее, поэтическое, в английской литературе или во французской... но не могу. Новейшие английские поэты — все эти Россетти и т. п., ужасно изысканны; в одном Свинберне (Swinburne, Algernon) вспыхивают проблески несомненного таланта — он подражает Виктору Гюго — но в нем есть действительная страстность и порыв, а в Гюго часто всё это сочинено. Достань себе его «Songs before Sunrise»; он иногда бывает темен — но все-таки, я полагаю, ты получишь удовольствие.⁵

А у нас уж точно поэзия померла. Пробовал я читать перевод «Роллы» Буренина: что за мертвечина и сущь и вялость!⁶ Даже стих совсем пропал. А переводы Минаева из «*Anpée terrible*»!!⁷ Это просто кало; другого названия они не заслуживают.

Зачем это Писемский печатается в «Гражданине»? Я уже не говорю о направлении журнала⁸ — но ведь там никто его ко-

меди не прочтет. Неужели другие редакторы а не принимают его вещей? Я рад, что комедия эта ему удалась — и жду ее появления с нетерпением.⁹ Вот «Смерть Люция» не возбуждает во мне никакого нетерпения, ибо я наверное ее не прочту. Некрасов (тоже нечитаемый поэт!) когда-то прозвал Майкова б «благонамеренный труп». Очень верно.¹⁰

Ты всё хочешь, чтобы я обратил внимание (в моих произведениях) на современность. Во-первых, живя за границей, это трудно; а во-вторых, я кое-что задумал в этом роде — но это появится не раньше года.¹¹ А пока, так как добродушные редакторы мне еще платят, буду пробавляться небольшими рассказами и подвергаться снисходительному презрению г-д рецензентов.

Картин я новых не покупал — они кусаются — но ты мне не пишешь о петербургской осенней выставке. Неужто она еще не открылась? Посмотри портреты Перова и скажи свое мнение.¹²

Что значит сообщенное вчера в «С.-Петербургских ведомостях» известие, что кн. Урусов (известный адвокат) «по не зависящим от его воли обстоятельствам» поселился на жительство в городе Вендене? ¹³

Засим кланяюсь всем твоим и крепко жму твою руку.

Преданный тебе Ив. Тургенев.

Р. С. Передай мое спасибо и поклон Ф. И. Тютчеву.¹⁴

2973. ЖОРЖ САНД

18 (30) октября 1872. Париж

Paris. 48, rue de Douai.

Ce 30 octobre 1872.

Chère Madame Sand,

Vous pouvez facilement vous imaginer ce que j'ai ressenti en lisant le «Temps» d'hier.¹ Je ne saurais le rendre moi-même comme je le voudrais. Mon expression, parlée ou écrite, reste toujours en deçà de ce que je sens, quand il s'agit de choses personnelles. Est-ce timidité, est-ce gaucherie? Je n'en sais rien. Par exemple, en allant à Nohant,² je m'étais promis de vous dire l'influence immense que vous avez eue sur moi comme écrivain: eh bien! je crois que je suis resté à peu près muet. Cette fois-ci, cependant, je veux vous dire que j'ai été tout ému et tout fier en lisant ce que George Sand disait de mon livre, et tout heureux de ce qu'elle eût bien voulu le dire. Il y a dans Schiller ces lieux vers:

«Quiconque a vécu pour les meilleurs de son temps,
Celui-là a vécu pour tous les temps».³

а Далее зачеркнуто: отка<зались>

б Было: его когда-то прозвал

Je suis donc las de vivre maintenant et vous m'avez donné une part de votre immortalité! ⁴

Je vous remercie bien, bien sincèrement et je voudrais vous voir bientôt à Paris pour vous remercier encore.

En attendant je vous baise tendrement les mains et je suis à jamais

votre Iv. Tourguéneff.

2974. М. П. ТУРГЕНЕВОЙ

19 (31) октября 1872. Париж

Париж. 48, rue de Douai.

Четверг, 31/19-го окт. 72.

Любезная кузина Марья Петровна, накануне прибытия Вашего письма ¹ я получил уведомление от Кишиневского (моего управляющего), что он Вам выслал обещанные *триста* руб. серебр.² Причиной замедления было всеобщее безденежье и отсутствие каких-либо цен на хлеб. Прошу Вас уведомить меня в кратких словах о том, действительно ли Вы получили деньги — и желаю, чтобы купленное Вами фортепьяно доставляло Вам как можно более удовольствия.

Я уже слышал о распоряжении брата и нахожу, что он поступает благоразумно, наделяя своими благодеяниями то семейство, с которым он будет жить и которое должен привязать к себе... Братнины имения гораздо нужнее этому семейству, чем мне.³

Мое здоровье, к сожалению, всё не поправляется: подагра до сих пор меня мучит.

В Россию я раньше будущей весны не вернусь.

Вы, по примеру всех без исключения русских, не выставили своего адреса в Вашем письме — что заставляет меня адресовать Вам мое письмо через брата Николая Сергеевича. Полагаю, что он еще в Москве.

При пожелании Вам всего хорошего остаюсь с искренним уважением

преданный Вам Ив. Тургенев.

2975. ЖЮЛИО ЭТЦЕЛЮ

19 (31) октября 1872. Париж

Paris. 48, rue de Douai.

Jeudi, ce 31 oct. 72.

Mon cher ami,

Vous avez pris trop au pied de la lettre mon accès d'humeur noire — et j'ai été bien désappointé de ne pas vous voir venir —

tout en vous disant presque de ne pas le faire.¹ Venez — je suis toujours malade — mais je serai bien content de vous voir et de causer avec vous.

A vous de cœur J. Tourguéneff.

2976. П. В. АННЕНКОВУ

21 октября (2 ноября) 1872. Париж

Париж. 48, rue de Douai.

Суббота, $\frac{2\text{-го нояб.}}{21\text{-го окт.}}$ 72.

Милый Павел Васильевич, третьего дня я отправил к Вам фельетон Ж. Занд в «Temps»¹ — а сегодня посылаю только что полученный мною из Петербурга экземпляр «Конца Чертапханова». Прочтите и сообщите свое впечатление — худое ли, хорошее ли — без церемонии. Впрочем, это между нами разумеется само собою.²

А подагра играет со мною как кошка с мышью: я уже думал, что избавился ее — а она меня опять цап-царап! — и я опять в постели — вот уже 9-й день. Доложу Вам — терпение нужно исполинское.

Засим кланяюсь всем Вашим и обнимаю Вас.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

2977. Э. С. ПОЛТОРАЦКОЙ

21 октября (2 ноября) 1872. Париж

Paris. Rue de Douai, 48.

Samedi, 2 nov. 1872.

Mademoiselle,

Ayez la bonté de passer demain matin chez moi; j'ai quelque chose à vous dire de la part du prince Orloff.¹

Je serais allé moi-même chez vous — mais je continue à garder la chambre.

Agréez l'expression de mes sentiments les plus distingués.

Iv. Tourguéneff.

2978. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

21 октября (2 ноября) 1872. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
2-го нояб.
Суббота, 21-го окт. 1872.

Вчера получил я 3 экземпляра моего рассказа,¹ почтеннейший Михаил Матвеевич — и приношу свою искреннюю благодарность. *Ни единой опечатки!* Спасибо Вам и добрейшему А. Н. Пышину.²

Радуюсь, что Вы избавились от Вашей болезни; а со мной подагра всё продолжает играть как кошка с мышью: отпустит, кажется, совсем — и опять цап-царап! Теперь я опять в ее когтях и опять в постели.

Когда я приеду — бог ведает, с этой глупой болезнью никаких нельзя делать предположений заранее — но надеюсь доставить Вам мой следующий рассказ через месяц.³

Прошу Вас выслать гонорарий сюда через банкира (если я не ошибаюсь — 750 р.). Он пригодится, так как за отсутствием спроса хлеб не продается.

Желаю Вам, «Вестнику» и типографии всевозможных успехов и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

2979. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

22 октября (3 ноября) 1872. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
3-го нояб.
Воскресенье, 22-го окт. 1872.

Я сегодня перечел мой рассказ¹ и нашел-таки три опечатки. Две незначительны — но третью надо исправить — а то, пожалуй, какой-нибудь корреспондент «Московских ведомостей» станет доказывать, что я до того потерял всякий смысл, живя за границею, что полагаю, что русские *чищут* ртом.² Если возможно, сделайте маленькое «erratum» в конце ноябрьской книжки. (Время еще есть) — а я Вам скажу великое спасибо. Вы найдете опечатки на следующей странице.³

Дружески жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

23 октября (4 ноября) 1872. Париж

Paris. 48, rue de Douai.
Lundi, 4 novembre 1872.

Chère Madame Delessert,

Dans votre lettre du 7 oct<obre> (à laquelle j'aurais dû répondre depuis longtemps!) vous me dites que vous comptez rester encore un mois à Biarritz — je puis donc espérer que ma lettre vous trouvera encore dans ce beau pays, où M-me de Naudillac s'est fixée.¹ Dites-lui que je la remercie beaucoup et que je ne manquerai pas de profiter de l'hospitalité qu'elle m'offre d'une façon si gracieuse, si je vais jamais de ce côté-là. Malheureusement, avec ma goutte, les longs voyages deviennent de plus en plus une improbabilité pour moi. Figurez-vous que je n'en suis pas quitte, et qu'après cinq mois je suis dans ce moment alité de nouveau, grâce à une *onzième* rechute! En vérité, c'est trop — et j'avoue qu'il me serait difficile d'entendre de sang-froid quelqu'un me féliciter d'avoir cette maladie, en ajoutant que c'est un brevet de longue vie, etc., etc.

J'ai profité d'une éclaircie et je suis allé à Rougemont voir ma fille et ma petite-fille. Elles se portent toutes les deux à merveille — ma petite-fille (qui se nomme Jeanne) crie que c'est une bénédiction — et Pauline est rayonnante de bonheur — tout en dormant très mal, grâce aux cris et aux caprices de mademoiselle. Il m'avait toujours semblé que Pauline serait une excellente mère, et en effet elle l'est. On ne fait bien que ce qui vous amuse — et la maternité semble amuser Pauline au-dessus de tout.

Ecrivez-moi deux mots dès que vous serez de retour à Passy — si je puis sortir, j'irai vous voir aussitôt. Pour le moment toute mon ambition est de pouvoir descendre samedi, le 9, mes deux étages et me trouver au bal que je donne ce jour-là aux filles de M-me Viardot et à leurs amies — en l'honneur de mon anniversaire: j'aurai cinquante quatre ans sonnés ce jour-là! Ce serait cruel de ne pas pouvoir assister à la sauterie de toutes ces jolies demoiselles, de toute cette jeunesse — mais j'espère encore — mon médecin me l'a promis.

Si au moins j'avais profité de mes loisirs forcés pour travailler! Mais non; je n'ai rien fait — ou presque rien.²

Revenez-nous bien portante et en attendant recevez l'expression de mes sentiments bien dévoués.

Votre Iv. Tourguéneff.

2981. П. А. КИШИНСКОМУ

23 октября (4 ноября) 1872. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Понедельник, $\frac{4\text{-го нояб.}}{23\text{-го окт.}}$ 72.

Любезный Никита Алексеевич,

В последнем моем письме¹ я забыл уведомить Вас о двух следующих пунктах:

1.) Вы получите от г-жи Ахенбах Елизаветы Семеновны в Киеве письмо, в котором она будет просить Вас о высылке ей ста рублей серебром, что Вы и исполните.

2.) Сообщите от моего имени г-ну Ивану Кобизскому, что хотя я действительно обещал ему выплачивать пенсию в сто рублей, но по изменившимся обстоятельствам сделать этого не могу; а буду высылать ему, *когда придется и безо всякого определенного обязательства*, небольшие суммы — и даже эти суммы могут прекратиться — следовательно, чтобы он на них не рассчитывал. Напишите ему это — и выплите ему 25 рублей. Этот Кобизский — одна из жертв покойного моего крестника, Ивана Петровича Тургенева.²

Кстати, Марья Петровна Тургенева писала мне, чтобы напомнить о 300-х рублях, и жаловалась, что Вы ей не отвечали. Надеюсь, что эти деньги теперь уже высланы.³

Имеются ли какие-нибудь сведения о Николае Николаевиче Тургеневе?⁴

Кланяюсь Вам и остаюсь

доброжелатель Ваш Ив. Тургенев.

2982. П. В. ШУМАХЕРУ

23 октября (4 ноября) 1872. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Понедельник, $\frac{4\text{-го нояб.}}{23\text{-го окт.}}$ 72.

Любезный Петр Васильевич,

Я на днях получил пакет, посланный мне баронессой¹ — и охотно беру на себя исполнение Вашего желания — и постараюсь, чтобы это было как можно для Вас выгоднее. Дела эти делаются гораздо лучше и удобнее в Германии — а потому надо будет чуточку повременить — но в течение зимы это будет наверное сделано, вероятно, к Новому году.² Но вот вопрос: должно ли быть имя выставлено? Полагаю, что да — но желал бы знать Ваше решение.³

Черкните слово и верьте в искреннее уважение

преданного Вам Ив. Тургенева.

25 октября (6 ноября) 1872. Париж

Париж. 48, rue de Douai.

Среда, $\frac{6\text{-го нояб.}}{25\text{-го октября}} 72.$

Вы несомненно правы, любезнейший Павел Васильевич — vous parlez d'or, как говорят французы. Я хочу Вам только сказать, как мне эта штука пришла в голову: с моим соседом Чёртовым (настоящее имя Чертапханова) именно случилось то, что я рассказал; мне это сообщила собственная его дочь, которая, пожалуй, будет теперь негодовать на мою нескромность; * но это не ослабляет силы Ваших возражений.¹ Теперь, однако, вот какое вышло обстоятельство. Отрывков из «Записок охотника»^а напечатано 22; всех их было приготовлено 26. Из ненапечатанных 4-х два были начаты: «Русский немец и реформатор» и «Землеед»; два только набросаны: «Приметы» и «Незадача». Первые два оставлены, потому что я знал, что никакая тогдашняя цензура их бы не пропустила; вторые — потому что были незначительны.² В Петербурге проживает некто Е. Рагозин, хороший человек, которого и Вы, кажется, знаете; он взял на себя издание еженедельной газеты «Неделя» — и я ему обещал что-нибудь^б прислать небольшое: вот я и вспомнил о «Землееде», начало которого сохранилось у меня в бумагах. Но после Ваших аргументов я сильно поколеблен, хотя они не совсем применяются к настоящему случаю, ибо я не хочу написать теперь нечто новое в виде продолжения, как «Чертапханов» — а окончить старое, начатое и приготовленное в 20 лет тому назад.

Но коли лучше не трогать «Записки охотника» ни так ни сяк, я изворчусь иначе. Напишите немедленно. Я так и поступлю и либо пошлю нечто другое, либо дам «Землееду» другую^г турнюру. (В этом рассказе я передаю совершившийся у нас факт — как крестьяне уморили своего помещика, который ежегодно урезывал у них землю и которого они прозвали за то землеедом, заставив его скушать фунтов 8 отличнейшего чернозему. Сюжетик веселенький, как изволите видеть).³

Ноге моей лучше — и я опять могу бродить по комнате — но долго ли это продолжится? Единому богу известно. А Вы все-таки заверните в Париж, хоть в декабре. Я полагаю, время будет эмувантное.⁴

Засим кланяюсь всем Вашим и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

* Впрочем, она не из числа читающих.

^а Далее зачеркнуто: было

^б Далее зачеркнуто: ему

^в Далее зачеркнуто: 21

^г Далее зачеркнуто: фигуру